

АНАЛИЗ

ЭКСКЛЮЗИВ

Геннадий Евстафьев

член делегации Российской Федерации на
Конференции по рассмотрению и продлению
ДНЯО

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ТОЛЬКО РАЗВРАЧИВАЕТСЯ

Конференция в Нью-Йорке стала своеобразным референдумом о судьбе ДНЯО и его роли в международных отношениях и военной политике будущего. На этот почти всемирный референдум было вынесено три вопроса. **Вопрос первый:** "Нужен ли вашей стране этот Договор?" **Вопрос второй:** "Насколько высоко вы оцениваете российско-американские мероприятия по сокращению ядерных вооружений?" **Вопрос третий:** "Готовы ли вы и в дальнейшем следовать букве и духу Договора?".

По первому вопросу, не нашлось ни одного государства (за исключением КНДР, которая и ранее заявляла, что рассматривает себя как страну с особым статусом, что отражает ее курс на продолжение тонкой политической игры), которое бы заявило, что Договор не нужен.

По второму вопросу, хотя и звучали критические оценки темпов ядерного разоружения, сопровождаемые возгласами "мало!" и "быстрее!", российско-американские мероприятия по разоружению последних лет все-таки получили одобрение.

По третьему вопросу, не осталось сомнений, что большинство государств-участников осознает угрозу ядерного распространения и признает перспективы сохранения этой угрозы. В связи с этим, большим достижением является подтверждение неядерными государствами-участниками в ходе конференции своей готовности добровольно отказаться от каких бы то ни было помыслов о создании ядерного оружия.

Таким образом, референдум по ДНЯО в Нью-Йорке прошел впечатляюще. Он показал, что есть и намерения, и возможности двигаться и дальше сообща по пути совершенствования международного режима ядерного нераспространения. Такая возможность открывается в том числе благодаря тому, что в ходе нью-йоркской конференции, когда, как и водится в практике столь значительных форумов, происходил своеобразный *give-and-take*, все ядерные державы (включая и Китай, при всех особенностях его подхода) продемонстрировали свою готовность пойти на некоторые уступки. О многом говорит тот факт, что **ядерные государства согласились на включение в итоговые резолюции положений об укреплении механизма рассмотрения действия ДНЯО и о заключении ДВЗИ в 1996 году.** В рекомендации по ДВЗИ заложен большой потенциал. Мировое сообщество теперь станет еще более пристально следить за ходом подготовки этого договора. Очевидно, что после его заключения следует ожидать значительного снижения темпов военного строительства в части ядерных программ *большой пятетки*.

Особо следует отметить пожелания конференции по поводу заключения **Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей оружия.** Представляется, что именно эта Конвенция, в случае ее успешной выработки и принятия, сможет стать одним из самых эффективных документов, связанных с ДНЯО. Уже сейчас можно предположить, что реализация идей и положений будущей конвенции станет разворачиваться медленно, однако с течением времени эффективность ее будет заметно расти.

Наконец, важно, что конференция оказалась готова поддержать усилия МАГАТЭ по гарантиям и проведению инспекций. На основании решений конференции и выступлений на ней, следует ожидать того, что руководство МАГАТЭ и генеральный директор Ханс Бликс станут более активно использовать режим особых инспекций.

Стало уже общим утверждение, что один из главных плюсов конференции - принятие решения без голосования. И тем не менее на этом тезисе, совершенно справедливом, стоило бы остановиться подробнее. Действительно, голосование в любом случае оказалось бы противоборством, спровоцировало бы острый конфликт, когда подавляющее большинство побеждает незначительное меньшинство. В таком случае это меньшинство ушло бы совершенно озлобленным, что вряд ли оказалось бы позитивным исходом, как с точки зрения дальнейшего развития международного режима нераспространения, так и с точки зрения его дальнейшей универсализации. Следует отметить в этой связи, что руководство российской делегации в лице Сергея Кисляка и Григория Берденникова проявило себя очень грамотно. Ряд тактических мер, который был ими выстроен, в результате принес стратегическое решение. К числу таких тактических мер можно отнести, в частности, сбор подписей под коротким, всего в три строки, проектом резолюции о бессрочном продлении (официально оно было выдвинуто Канадой и затем трансформировалось в резолюцию **2.6**). Число подписей перевалило за 90 и продолжало расти, вопреки первоначальным сомнениям (пока не достигло 111). Именно когда наступил переломный момент и были собраны формально необходимые *"50 процентов голосов от общего числа государств-участников"*, стало совершенно ясно, что все идет к бессрочному продлению, и других вариантов быть не может. По-моему, тактика сбора подписей под этим проектом очень помогла председателю конференции Джаянта Дханапале.

Надо отдать должное послу Дханапале. Он провел конференцию безупречно, сумев убедить в необходимости согласованного решения многих сомневающихся. Его заслуга и в выходе на итоговую формулу принятия пакета резолюций (принятие решения без голосования, по сути консенсусом, хотя он этого слова по понятным причинам избегал). На мой взгляд, это очень интересная формула, я впервые сталкиваюсь с ней в дипломатической практике, и для такого документа, как ДНЯО, она оказалась как нельзя кстати.

Сопrotивление радикалов из движения неприсоединения (ДН) при принятии итоговых резолюций оказалось гораздо слабее, чем это можно было предполагать. На мой взгляд, радикалы из ДН совершили тактическую ошибку, изначально не согласившись смягчить свои крайне жесткие формулировки и предложения. В результате они не сумели создать платформу, которая бы прилекла всех участников ДН; не смогли даже произвести на свет согласованного документа. В Бандунге их постиг полный провал. Когда министр иностранных дел Индонезии г-н Алатас приехал в Нью-Йорк, то увидел, что индонезийский проект,

изобилующий жесткими формулами, никак не корреспондируется с настроением в залах заседаний. Надо отдать ему должное, он скорректировал позицию. Помимо многочисленных тактических ошибок, ДН допустило и одну стратегическую. Зачем для новой пробы сил и для давления на Север потребовалось разыграть именно карту ДНЯО? Радикалы в ДН, видимо, не учли, что ДНЯО - это глобальное соглашение, которое соответствует по большому счету интересам всех.

Впрочем, можно согласиться с отдельными аргументами неприсоединившихся стран, в частности с тем, что буква и дух ДНЯО не всегда совпадают с реальностью. Действительно, порой некоторые государства интерпретируют положения ДНЯО на свой лад. Так, можно долго спорить о решении США ввести эмбарго против Ирана, но, по-моему, изначальный наскок США на Иран диктуется целями, не имеющими прямого отношения к ДНЯО. В данном случае США решают собственные политические цели. Американская политика имеет определенный уклон в зоне Персидского залива. Если раньше в *политике двойного сдерживания* упор делался на Ирак, то сейчас на первый план выходит Иран. Многие в американской дипломатии подгоняются под этот логичный акцент. Озабоченность США нам понятна. Такая озабоченность имеется и у России. Мы также предпринимаем и намерены предпринимать в дальнейшем усилия по предотвращению ядерного распространения. Здесь у нас нет противоречий с США, здесь наши интересы совпадают. Но при аргументировании правильности позиции нельзя переходить черту объективности, иначе дальнейшие меры становятся контрпродуктивными.

Решение о санкциях США против Ирана было объявлено прямо в разгар конференции. Я могу лишь догадываться об истинных причинах, по которым это решение было принято. Возможно, имела место прямая несогласованность действий между различными структурами администрации США. Как бы то ни было, выступление президента США перед Всемирным еврейским конгрессом в Нью-Йорке с объявлением санкций Ирану несколько обострило ситуацию на конференции по ДНЯО. Если в начале конференции иранцы занимали достаточно сдержанную позицию, то затем их тон стал резче, и российской делегации, в частности, Сергею Кисляку и Григорию Берденникову, пришлось предпринять действия, которые помогли не дать разрастись иранской озабоченности... Еще одна случайная или не случайная *несогласованность* - заявление министерства энергетики США, опять же в разгар конференции, о том, что Соединенные Штаты возобновляют производство трития. Все это тем более досадно, если учесть, какую важную роль сыграли США для принятия решения о бессрочном продлении: они способствовали этому всей дипломатической мощью, всем своим влиянием в различных регионах мира. И тем не менее эти мелкие мазки не портят и не затуманивают общую картину, которая весьма позитивна. Постоянное действие ДНЯО позволяет более детально заниматься такими несиюминутными вопросами, как, *во-первых, универсализация режима нераспространения* и, *во-вторых, дискуссия о будущем ядерного оружия*.

В последние годы, и особенно накануне конференции, мы были свидетелями стремительного роста участников ДНЯО. Тем не менее до сих пор за пределами ДНЯО остается целый ряд влиятельных государств, в том числе и те, кого мы называем *неофициальными ядерными державами*. Необходимо активно работать в направлении привлечения этих стран к Договору, с тем чтобы первые результаты стали видны к следующей Конференции по рассмотрению его действия, которая состоится в 2000 году.

Остановлюсь лишь на одном из *трудных случаев* - Израиле. Хотя резолюция конференции, посвященная созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, не вошла в пакет документов (она принята как бы сверх пакета), она имеет очень сильный потенциал, и на нее вполне могут опираться все государства-участники ДНЯО, проводящие линию на универсальность Договора. При этом следует понимать, что данный конкретный вопрос надо рассматривать только в увязке с общим процессом мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Что касается Израиля, то, во-первых, он очутился в *ядерном тупике* и, во-вторых, ему надо поскорее из этого тупика выбираться. Почему тупик? Казалось бы, ядерный потенциал

дает Израилю уверенность. Не думаю. Очевидность в том, что Израиль просто **не может быть** ядерным государством. Кроме того, Израиль должен отдавать себе отчет в том, что его обладание ядерным оружием может впоследствии негативно сказаться на переговорах о ликвидации других видов оружия массового уничтожения в регионе, особенно химического оружия. Наверное, пути выхода Израиля из ядерного тупика могут быть различны. Возможно, вопрос о ликвидации Израилем своего ядерного потенциала следует решать в пакете с другими вопросами... Вместе с тем, Израиль не сможет долго отказываться от обсуждения ядерной проблемы. Израиль очень долго был изгоем в ООН. Его *прикрывали* там считанные государства. На Ист-Ривер еще не так давно принимали большинством голосов (и еще каким большинством) резолюции с осуждением сионизма, варварских действий Израиля и Бог знает чего еще... Не говоря о существовании резолюций, сам факт такого массового осуждения Израилю был не слишком приятен. Со временем ситуация начала меняться: Кэмп-Дэвид, договор с Иорданией, установление дипотношений с рядом стран. Эти шаги вывели Израиль на нормальное региональное существование. Сейчас осталось решить проблему с сирийцами и затем окончательно решить проблему ближневосточного урегулирования. В последние месяцы впервые начался поиск формулы, которая помогла бы сдвинуть с места ядерную проблему. Пока ее не нашли. Но то, что Израиль в этом поиске участвует, симптоматично. Скептики скажут, что Тель-Авив идет на такие пробные шаги в тактических целях, и не стоит ждать дальнейшего продвижения. Я думаю, дело не только в тактике. В Тель-Авиве растет понимание того, что Израиль оказался вне рамок глобального процесса, а ведь ни одному государству, находящемуся вне рамок главного потока международного процесса, еще не удавалось доказать свою правоту. Через компромиссы, через определенные жертвы государства в конце концов начинают включаться в этот поток.

Разве не впечатляет пример Южной Африки? Сколько лет она была в изоляции! Следует понимать, что и на закате режима апартеида отказываться от ядерного оружия было для нее очень трудным решением. Еще пару лет назад никто не мог и представить, что Южная Африка окажется в центре внимания на Конференции по ДНЯО, и не в качестве объекта критики, а как пример для подражания; что она станет изначальным автором одного из ключевых документов и примет самое активное участие в выработке других. Сумев переступить через свои амбиции, Южная Африка *красиво* вошла в международное сообщество, заслужив всеобщее уважение. Израиль же - пусть не *обижаются* политики в Тель-Авиве - продолжает жить (как, впрочем, и арабы) с менталитетом *окруженного гарнизона*. Там по-прежнему смотрят на мир сквозь бойни. Наличие ядерного оружия - одно из проявлений этого менталитета. Тем более что я совсем не понимаю, как израильские военные собираются это оружие в случае необходимости применять. Может быть, они хотят, чтобы потом весь мир проклял Израиль? Конечно, они считают, что ядерное оружие для них - это оружие сдерживания. Тогда и Сирия начинает считать, что для нее химоружие - это тоже оружие сдерживания. Замкнутый круг, тупик... Американцы запустили такое словосочетание: "*безответственный режим*". Не думаю, что израильские политики хотят, чтобы в скором времени с точки зрения большинства стран мира из-за упрямства в своей ядерной политике Израиль получил такое клеймо.

Разрешение нескольких *трудных случаев*, прежде всего на Ближнем Востоке и на Индостанском полуострове, позволило бы более активно развернуть дискуссию в официальных ядерных странах о будущем ядерного оружия. Сразу после принятия решения о бессрочном продлении несколько стран (в частности, Малайзия) высказались в том духе, что теперь, мол, *большая пятерка* будет вечно владеть ядерным оружием. Вряд ли с подобными заявлениями можно согласиться. Развертывание более широкой дискуссии о судьбе ядерного оружия (в частности в военных кругах ядерных государств, а со временем и на глобальном уровне) позволит прояснить, в частности, могут ли быть созданы альтернативы ядерному оружию среди обычных вооружений. Уже в ближайшее время встанет на повестке дня и вопрос об экономической неизбежности дальнейшего сокращения ядерного оружия.

**Нью-Йорк,
13 мая 1995 года**